

КОГДА будущий историк Академического театра драмы имени А. С. Пушкина советской эпохи задумается над периодизацией своего сочинения, не исколочено, что один из наиболее плодотворных этапов истории старейшей российской сцены он назовет «вивьеновским». В самом деле, без малого 30 лет — с 1937 по 1966 год — до последнего дня жизни стоял на капитанском мостике Леонид Сергеевич Вивьен. 30 лет, да еще каких бурных, стремительных лет! Такого долголетия, пожалуй, не знала история этой сцены. А если прибавить еще четверть века — начиная с дореволюционных времен, когда Вивьен был в этом театре «просто» актером и режиссером, получится цифра и того внушительнее — более полувека.

В бурные послеоктябрьские времена Вивьен вошел в пятерку членов Временного комитета по управлению Александринским театром. В решительном повороте старейшего театра к революционному народу была и его заслуга. Луначарский не ошибся, поручив Вивьену возглавить учебно-методическую работу в театральном отделе Наркомпроса. Один из основоположников высшего театрального образования стал в дальнейшем и первым ректором, первым художественным руководителем нашего театрального института.

«Вивьену везет...» — такую фразу можно было услышать среди закулисных толков и тогда, и позже. Что ж, помимо всего прочего (к «прочему» следовало бы присовокупить ум, талант, наблюдательность, преданность искусству, идеальную целеустремленность, работоспособность), Вивьену действительно везло. В частности — на учителей. «Старик Давыдов нас заметил», — обронил он как-то полусмущенно. Это по его, Давыдова, настоянию Вивьена, тогда еще ученика театральной школы, но уже дипломированного инженера, пригласили на столичную сцену.

«Здравствуй, новая жизнь!» — эти призывные слова из «Вишневого сада», произнесенные Вивьеном — Трофимовым со сцены за несколько дней до Октябрьского восстания, стали пророческими и для него, и для театра. Правда, первые десять лет, пока еще не встала на ноги советская драматургия, наиболее весомым в жизни театра продолжал оставаться классический репертуар. Однако новое мировоззрение, углубленная работа над образами Горького (для императорских театров его драматургия оставалась под запретом) приносят новое и в старые классические образы: они становятся более масштабными, социально заостренными.

А когда стала набирать силу молодая советская драматургия, «Актрама» вывела на свою сцену нового героя: рабочего, большевика, красноармейца,

ученого, колхозника, советского офицера, коммуниста.

С каждым годом креп актерский, режиссерский, педагогический талант Вивьена. Он становится заметной фигурой среди первого поколения теперь уже советских александринцев. А ведь эта плеяда была представлена такими именами, как Ю. М. Юрьев, Е. П. Корчагина-Александровская, В. А. Мишурин-Самойлова, Н. Н. Ходотов, Б. А. Горин-Горайнов, Е. И. Тиме, И. Н. Певцов, К. Н. Яковлев...

Начиная с середины двадцатых годов, все интенсивнее становится деятельность Вивьена как режиссера. И характерная особенность: его режиссерские поиски с самого

начала от времени не делалось попыток создать в театре ансамбль, сплотить коллектив общностью художественных целей. Однако объединение посредством режиссерского диктата, нивелировки крупных актерских индивидуальностей могло обернуться только обезличиванием коллектива.

Главный режиссер считал своей обязанностью предоставлять наибольший простор личной инициативе, индивидуальным склонностям актеров и режиссеров. Взамен он требовал помнить, что театр — искусство коллективное. Коллектив помогает вывлению и утверждению каждого яркого таланта. Каждый талант обязан заботиться в первую очередь не о собственном са-

мостоянии (и ему посвящался) Г. А. Товстоногова, тогдашнего главного режиссера Театра имени Ленинского комсомола, уже имевшего громкую репутацию первоклассного художника. Как известно, театр одержал великолепную победу. Лучшие из создателей спектакля были удостоены Ленинской премии. И это был триумф не только Товстоногова, но и Вивьена.

В ряду режиссеров, чье творчество органически влилось в традиции советского Пушкинского театра, — В. П. Кожич. Он был равнодушен к изощренно-виртуозным постановочным решениям, к фейерверку выдумок из арсенала самодвигавшейся режиссерской фантазии. Зато его спектакли покоряли глубиной психологической правды, широтой философских обобщений, темпераментом живой, никогда не конъюнктурной — остро современной мысли. Лучшие его работы — «Живой труп», «Пучина» — театральная классика, и тоже вивьеновского периода.

«Мне и моим товарищам по Институту сценических искусств и по первым годам актерской деятельности повезло. Мы начинали профессиональную жизнь под руководством Л. С. Вивьена...». Так писал в своей книге один из выдающихся, а по природе своего таланта самых коренных пушкинцев Ю. Толубеев. Вместе с ним эти слова могли бы произнести представители нескольких поколений актеров.

Вивьену довелось начать осваивать в Ленинграде и другое, новое, трудное дело — воспитание молодых режиссеров. Иные из них уже и сами теперь успели стать опытными, маститыми режиссерами. И как бы далеко ни ушли они в своих сегодняшних исканиях и свершениях, их творческий поиск подчас и ныне подскажет нетренированному глазу некогда запрограммированное их учителем.

За полвека активной жизни в искусстве художник, казалось бы, успел повидать и испытать так много, что ему вроде бы уже незачем было беспокоиться о новых поисках, новых завоеваниях. Но присей внешней невеселости, кажущейся безмятежности в Вивьене жил неуемный дух подлинного творца. Недаром одну из своих последних статей этот маститый деятель советского театра закончил такими звонкими молодыми словами: «Поиски... Да, поиски нашему театру необходимы... Мы должны создавать единственное, неповторимое... Потому что герой нашего времени не похож на героя иных десятилетий и веков».

С. ОСОВЦОВ,
доцент кафедры режиссуры
Института культуры
имени Н. К. Крупской,
кандидат искусствоведения

А К Т Е Р, РЕЖИССЕР, П Е Д А Г О Г

начала опираются на богатый, обширный педагогический опыт. Вот почему очень часто даже для весьма зрелых актеров работа под руководством Вивьена превращалась в дополнительную школу мастерства. Вот почему поставленные им спектакли обычно так щедро бывали актерскими удачами. Вот почему они органически смыкались с традициями театра.

Высокая требовательность к репертуару все больше становилась отличительной чертой коллектива. Наряду с творениями классиков — Шекспира и Шиллера, Гоголя и Островского, А. Толстого и Чехова — театр успешно осуществлял постановку ряда пьес советских драматургов — А. Корнейчука, Б. Горбатова, А. Штейна, А. Арбузова, К. Симонова, Л. Зорина, затрагивавших большие проблемы современности.

Двумя талантливыми спектаклями — «Дядей Ваней» и «Чайкой» (режиссура Вивьена) театр утвердил на подмостках старейшей академической сцены живого Чехова, по-прежнему волнующего зрителей, владеющего их думами, не утратившего верной дороги к сердцам человеческим.

В те времена, когда Вивьену довелось возглавить Пушкинский театр, случайность и пестрота репертуара, отсутствие собственной режиссуры не позволяли коллективу в полную силу решать серьезные идейно — художественные задачи, выдвигавшиеся развитием советского искусства. Сочетание даже самых отличных актеров не давало в сумме хороших спектаклей.

Нельзя сказать, чтобы вре-

моутверждению, а об идейно-художественных задачах, стоящих перед всем коллективом. «До революции, — говорил Вивьен, — группа в театре была (и по актерскому составу очень сильная), а коллектива никогда не было».

Немного найдется в истории Пушкинского театра таких эпох, когда его сценическая палитра переливалась бы таким радужным многоцветьем ярких, неповторимых актерских индивидуальностей, как Н. Черкасов, Н. Симонов, Ю. Толубеев и другие.

Что греха таить, худруки бывают разные. Иной мерит достижения коллектива только ценой своих собственных успехов.

Вивьен пригласил на этапную для театра постановку «Оптимистической трагедии» (спектакль готовился к съезду